

.....

.....

.....

.....

.....

ФРАНСИН РИВЕРС

Любовь
Искунительная

РОМАН

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2019

ББК 86.37

P49

Перевод с английского

Originally published in English under the title:

«**REDEEMING LOVE**»

by Francine Rivers.

Published in Russian by Visson Publishing

by arrangement with

Browne & Miller Literary Associates, LLC.

All rights reserved.

Риверс, Франсин

P49 Любовь искупительная / Пер. с англ. — СПб.: Виссон, 2019. — 512 с.

ISBN 978-5-9909244-8-2

В основе романа лежит «американская версия» библейской истории Осии и Гомерь. События разворачиваются на Диком Западе. Простому христианскому парню невольно приходится выполнить тяжелую миссию пророка Осии: своей собственной любовью доказать существование любящего Отца женщине «с прошлым»...

ББК 86.37

ISBN 0-57673-816-7 (англ.)

ISBN 978-5-9909244-8-2 (рус.)

© Francine Rivers, 1997

© Издательство «Виссон», 2018

*Посвящается тому,
кто изранен и жаждет*

ПРЕДИСЛОВИЕ АМЕРИКАНСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Когда в нашем издательстве узнали о возможности опубликовать роман Франсин Риверс, мы пришли в восторг. Если вы когда-либо читали книги Франсин, вы поймете причину нашего восхищения и энтузиазма. Каждая книга содержит в себе мощное послание и сюжет, который приковывает ваше внимание.

Книгу, которую вы держите в руках, я прочитал, практически не отрываясь. Переворачивая страницы, я вдруг начинал рыдать, каяться, давал какие-то новые обещания и вновь рыдал. Я почти не сомневаюсь, что читая эту книгу, вы будете делать то же. Божья искупительная любовь доступна и вам.

Хочу предупредить об одной очень важной детали. Пересказывая библейскую историю Осии и Гомерь, Франсин столкнулась с довольно сложной задачей. Когда дело касается супружеской неверности и проституции, Писание называет вещи своими именами. Насколько детально должна была Франсин описывать происходящее, чтобы облечь эту историю в современную форму? Читая авторские заметки в конце книги, вы увидите, как сильно она была озабочена тем, чтобы вы, читатель, поняли причину, по которой она так подробно и реалистично описывает данные области жизни. Мы советуем вам быть осторожными, предлагая роман юным читателям. Можно предположить, что, будь эта книга фильмом, на нем стоял бы гриф «Запрещено к просмотру лицам моложе 16 лет».

Читая этот роман, приготовьтесь встретиться с Богом! Когда Иисус говорил Своим ученикам о Божьей искупительной любви, Он использовал притчи-истории, так как понимал их действенную силу. Во время чтения этой книги то же, по-видимому, предстоит испытать и вам. Когда же вы закроете последнюю страницу, вы возлюбите Его еще больше. А если вы состоите в браке, вы полюбите свою жену или мужа еще сильнее и захотите глубже посвятить себя друг другу.

«Не слишком ли громкие слова для художественной книжки?» — я будто слышу, как кто-то из читателей задает этот вопрос. А вы просто начните читать. И все поймете.

Д. С. Якобсон, президент Multnomah Publishers, Inc.

*...Кто из вас без греха,
первый брось на нее камень.*

ИИСУС ХРИСТОС
Евангелие от Иоанна (8:7)

Дума тьмы

ПРОЛОГ

У князя тьмы хорошие манеры...

Уильям Шекспир

Новая Англия, 1835 г.

Алекс Стафффорд выглядел в точности так, как мама его описывала. Это был высокий темноволосый мужчина — никого более красивого Сара в своей жизни еще не видела. Даже в пыльной дорожной одежде, с мокрыми от пота волосами, он походил на принца из сказок, которые мама читала ей. Сердце Сары громко билось от переполнявших ее гордости и невообразимой радости. Ни у кого из знакомых ей детей не было такого отца, который мог бы сравниться с ее папой.

Он посмотрел на нее своими темными глазами, и ее сердце замерло. Она была одета в свое самое лучшее голубое платье и белый фартук, ее волосы мама украсила розовыми и голубыми лентами. Нравится ли папе то, как она выглядит? Мама сказала, что голубой — его любимый цвет, но тогда почему на папином лице не видно улыбки? Быть может, она ведет себя как-то не так?

Мама сказала, что ей нужно стоять смирно, держать спину прямо и вести себя как юная леди. Она сказала, что папе это обязательно понравится. Но он вовсе не казался довольным.

— Алекс, ну разве она не хороша? — спросила мама. Ее голос звучал странно... и неестественно. — Не правда ли, она самая красивая из всех маленьких девочек?

Саре показалось, что папины глаза еще больше потемнели; его брови сдвинулись. Он совсем не выглядел счастливым человеком. Казалось, он злился. Сейчас у него было такое лицо, какое бывало у мамы, когда Сара задавала слишком много вопросов или чересчур много говорила.

— Подожди минутку, — быстро проговорила мама. Слишком быстро. Она что, чего-то боится? Но почему? — Алекс, я задала

всего один вопрос. Пожалуйста, скажи что-нибудь. Это так много для нее значит!

Алекс Стаффорд пристально смотрел на Сару. Его губы были плотно сжаты, он продолжал молча изучать ее. Сара старалась не шевелиться. Этим утром она долго рассматривала себя в зеркале и поэтому хорошо знала, что он увидит. У нее были отцовский подбородок и нос, а светлые волосы и нежная кожа достались от матери. Глаза тоже походили на мамины, но еще более синие. Саре так хотелось, чтобы папа увидел, какая у него красивая дочь, — она смотрела на него с надеждой и ожиданием. Но взгляд его от этого не становился ни мягче, ни добрее.

— Ты ведь выбрала голубой цвет не случайно, Мэй? — Слова папы испугали Сару. От них веяло холодом и досадой. — Не потому ли, что это подчеркивает цвет ее глаз?

Сара ничего не могла понять. Она посмотрела на маму, и ее сердце снова замерло, когда она увидела лицо матери, искаженное от боли.

Алекс закричал, повернув голову к прихожей:

— Хлоя!

— Ее здесь нет, — тихо сказала мама, высоко подняв голову. — Я дала ей выходной.

Папины глаза стали еще темнее.

— Вот как? Ты любишь создавать неразрешимые проблемы, не правда ли, дорогая?

Мама замерла на секунду, затем сжала губы и посмотрела на Сару. Что происходит? С глубокой грустью Сара пыталась понять, но не могла. Разве папа не рад видеть ее? Она была так счастлива, что сможет побыть с ним хоть немножко...

— Что тебе нужно? Что ты хочешь? — Мама спрашивала папу, а Сара продолжала стоять, не шевелясь, не издавая ни звука, все еще надеясь.

— Пусть она уйдет. Я думаю, она знает, как найти Хлою.

Лицо мамы внезапно покрылось красными пятнами.

— Что ты хочешь этим сказать, Алекс? Что я развлекала других, когда тебя не было?

Сара стояла в недоумении. Они говорили друг с другом так холодно, никто из них ни разу не взглянул на нее. Может, они просто

забыли о ней? Что-то не так, но что? Мама казалась обезумевшей. Почему папа так разозлился, узнав, что Хлои нет дома?

Закусив губу, Сара посмотрела на родителей. Подойдя поближе, она подергала отца за куртку:

— Папа...

— Не называй меня так.

Она отступила назад, испуганная и смущенная его словами. Он ведь ее отец. Мама ей так говорила. Он даже привозил ей подарки — каждый раз, когда возвращался домой. Эти подарки ей давала мама. Может, он злится потому, что она никогда не благодарила его за подарки?

— Я хочу поблагодарить тебя за те подарки, которые ты...

— Замолчи, Сара, — быстро сказала мама. — Не сейчас, дорогая.

Папа гневно посмотрел на маму:

— Позволь ей говорить. Ты ведь этого хотела, верно? Почему же ты затыкаешь ей рот сейчас, Мэй?

Мама подошла поближе и положила руку Саре на плечо. Сара чувствовала, как дрожат мамины пальцы, но теперь папа наклонился к ней и улыбался.

— Какие подарки? — спросил он.

Он был такой красивый и выглядел точно так, как мама его описывала. Сара чувствовала гордость от мысли, что это ее отец.

— Расскажи мне, маленькая моя.

— Мне так нравились шоколадки, которые ты мне привозил, — сказала Сара, чувствуя, как все внутри нее потеплело и исполнилось гордости от его внимания. — Они были очень вкусные. Но больше всего я люблю хрустального лебедя.

Она снова улыбнулась, она буквально сияла от радости из-за того, что папа внимательно ее выслушал. Он даже улыбался, хотя Сара не могла бы сказать, что ей понравилась его улыбка, — она была едва заметной и натянутой.

— Замечательно, — проговорил он и выпрямился. Посмотрел на маму. — Мне приятно узнать, как много значат мои подарки.

Сара посмотрела на отца, взволнованная услышанным.

— Я поставила его в комнате на подоконник. Солнце светит прямо через него, и разноцветные лучики разбегаются по комнате. Хочешь пойти посмотреть? — Она взяла его за руку. Когда он резко отдернул руку, она заморгала обиженно, ничего не понимая.

Мама закусила губу и протянула было руку к нему, но потом остановилась. Она казалась напуганной. Сара переводила взгляд с папы на маму и обратно, пытаясь понять, что она не так сделала. Может быть, папа недоволен тем, что ей понравились его подарки?

— Итак, ты отдала мои подарки ребенку. Хорошо, что я узнал, как много они значат для тебя.

Сара открыла было рот, но прежде чем она успела произнести хоть слово, мама, нежно коснувшись ее плеча, сказала:

— Дорогая, будь хорошей девочкой, иди на улицу и поиграй там немного.

Сара встревоженно посмотрела на маму. Неужели она сделала что-то не так?

— Можно мне остаться? Я буду вести себя очень тихо.

Мама не ответила. Ее глаза блестели от слез, и она продолжала смотреть на папу.

Алекс взглянул на Сару.

— Я хочу, чтобы ты пошла и поиграла на улице, — тихо сказал он. — Нам нужно поговорить с твоей мамой наедине.

Он улыбнулся и погладил ее по щеке. Сара заулыбалась, придя в полный восторг. Папа погладил ее: он совсем не злится. Он ее любит! Мама была права.

— Могу я войти, когда вы закончите говорить?

Лицо папы стало напряженным, и он холодно произнес:

— Твоя мама выйдет и позовет тебя. А теперь беги, гуляй.

— Да, папа. — Саре так хотелось остаться, но еще больше ей хотелось угодить папе. Она вышла из гостиной, пройдя через кухню к задней двери. Сорвав несколько маргариток, которые росли рядом с дверью, она направилась к калитке. Она шла, обрывая лепестки цветов.

— Любит, не любит, любит, не любит...

Дойдя до угла дома, она замолчала. Ей очень не хотелось беспокоить маму и папу. Ей просто хотелось быть рядом.

Сара предалась мечтам. Может быть, папа посадит ее к себе на плечи. Она мечтала прокатиться вместе с ним на его большой черной лошади. Конечно же, ей нужно будет переодеться. Он точно не захочет, чтобы она испачкалась. Она мечтала посидеть на его

коленях, пока они с мамой будут беседовать. Ей бы это очень-очень понравилось, и она бы сидела тихо, никому не мешала.

Окно гостиной было открыто, и она слышала доносившиеся голоса. Мама любила, когда гостиную наполнял аромат цветов. Сара остановилась под окном и прислушалась к голосам родителей. Так она сможет узнать, когда они закончат, чтобы ей можно было вернуться в комнату. Если она будет сидеть очень тихо, то, конечно, не побеспокоит их. А маме не придется долго ее искать.

— Что я должна была делать, Алекс? Ты никогда не проводил с ней достаточно времени. Что я должна была ей говорить? Что ее отцу наплевать? Что он не хотел ее рождения?

Сара открыла рот от удивления. *«Скажи, что это не так, papa! Скажи, что это не так!»*

— Я привез этого лебедя из Европы для *тебя*, а ты отдала его ребенку, который не понимает, насколько он ценный. Может быть, и жемчуг ты ей отдала? А музыкальная шкатулка? Я думаю, она и ее получила!

Маргаритки выпали из рук Сары. Она села на землю, забыв о своем красивом платье. Радость, от которой совсем недавно так сильно колотилось ее сердце, медленно угасала. Все внутри переворачивалось с каждым новым словом.

— Алекс, пожалуйста! Я не вижу в этом проблемы. Так было проще. Сегодня утром она спросила меня, достаточно ли она уже взрослая для встречи с тобой. Она задает мне этот вопрос каждый раз, когда ты приезжаешь. Разве я могла еще раз сказать ей «нет»? У меня все-таки есть сердце. Она не может понять причину твоего пренебрежения. Да и я тоже.

— Ты знаешь мое отношение к ней.

— Как ты можешь говорить о своих чувствах, если ты ее совсем не знаешь? Она прекрасный ребенок, Алекс. Очень бойкая и очаровательная. Она так похожа на тебя. И она личность, Алекс. Ты не можешь вечно игнорировать ее существование. Она твоя дочь...

— У меня достаточно детей от моей жены. Законнорожденных детей. И я говорил тебе, что не хочу еще одного ребенка.

— Как ты можешь так говорить? Как ты можешь ненавидеть свою плоть и кровь?

— Я тебе говорил о своих чувствах с самого начала, но ты не хотела слушать. Этот ребенок не должен был родиться, Мэй, но ты настояла на своем.

— Ты думаешь, я хотела забеременеть? Думаешь, я хотела ребенка?

— Я часто размышляю об этом. Особенно после того, как я нашел выход из положения для тебя, но ты отказалась. Врач, к которому я тебя отправлял, позаботился бы обо всем. Он помог бы тебе избавиться...

— Я не могла так поступить. Неужели ты думаешь, что я смогла бы убить своего нерожденного ребенка? Это же смертный грех!

— Ты слишком много времени провела в церкви, — с насмешкой сказал Алекс. — А ты не думала, что если бы ты тогда послушала меня и избавилась от этого ребенка, то не было бы проблем, которые тебе сейчас приходится решать? Все было бы так просто. Но ты не захотела.

— Я хотела этого ребенка! — проговорила мама дрогнувшим голосом. — Она была частью нас обоих, Алекс, и я хотела ее родить, даже тогда, когда ты был против...

— В этом ли настоящая причина?

— Ты делаешь мне больно, Алекс!

Сара вздрогнула от резкого звука, как будто что-то разбилось.

— В этом ли причина, Мэй? Или ты думала, что если родишь ее, то сможешь удержать меня рядом? Тебе ведь этого всегда так не хватало.

— Почему ты мне не веришь? — Мама начала плакать. — Почему ты не можешь мне поверить? Ты глупец, Алекс. Ох, что же я наделала? Я все тебе отдала! Свою семью, друзей, свое самоуважение, все, во что я верила, все надежды...

— Я купил этот дом для тебя. Даю тебе столько денег, сколько тебе нужно.

Мама заговорила громче:

— Можешь ли ты почувствовать то, что чувствую я, когда иду по улицам этого города? Ты приезжаешь и уезжаешь, когда тебе угодно. И все знают, кто ты и кто я. Никто со мной не разговаривает. Сара это тоже чувствует. Она однажды спросила меня об этом, и я сказала, что мы немного отличаемся от других людей. Я не знала, что еще придумать. — Мамин голос дрогнул. — Я, наверное, пойду в ад за то, кем я стала.

— Я устал все время слушать твои обвинения и рассказы об этом ребенке. Она разрушила все между нами. Помнишь, как мы были

счастливы? Мы никогда не спорили. Я не мог дожидаться того дня, когда мы снова увидимся и я смогу быть с тобой.

— Не...

— И сколько времени я смог провести с тобой сегодня? Достаточно? Ты тратишь все свое время на нее. Я ведь тебе говорил, что именно так все и будет, верно? Да лучше бы ее никогда не было!

Мама выкрикнула грязное ругательство. Раздался грохот. В ужасе Сара вскочила и побежала. Пробежала мимо маминых цветов, через лужайку и выскочила на дорожку, ведущую к беседке. Бежала до тех пор, пока оставались силы. Тяжело дыша, чувствуя жар во всем теле, она упала на траву и разрыдалась. Слезы текли и текли из ее глаз. Вскоре она услышала топот копыт. Пытаясь спрятаться, она забралась в высокую траву, которая густо росла у ручья, и осторожно выглянула из своего укрытия. Она увидела отца, который скакал на своем огромном черном коне. Нырнув обратно в траву, Сара съежилась и сидела там, плача и ожидая, что мама придет и заберет ее домой.

Но мама не пришла и не позвала ее. Немного погодя Сара решила пойти обратно к беседке. Там, среди цветов, она сидела и ждала. Когда мама наконец пришла и стала звать ее, слезы уже высохли, а чистый белый передник был весь в грязи. Сару все еще била дрожь от того, что ей довелось услышать.

Мама была очень бледна, распухшие от слез глаза смотрели безжизненно. Под одним глазом виднелась синяя отметина. Было заметно, что мама пыталась припудрить синяк. Она улыбалась, но улыбка была неестественной и вымученной.

— Где ты была, дорогая? Я тебя долго искала.

Сара знала, что это неправда. Это она ее очень долго ждала. Мама достала свой кружевной платок и отерла грязное пятно на щеке Сары.

— Твоего папу неожиданно вызвали по делам, — сказала она.

— Он вернется? — спросила Сара испуганно. Она больше никогда не хотела его видеть. Он сделал маме больно, она плакала.

— Скорее всего, он уехал надолго. Мы будем ждать его. Он очень занятой и важный человек.

Сара ничего не сказала. Мама взяла ее на руки и крепко прижала к себе:

— Все будет хорошо, милая. Знаешь, что мы сделаем? Мы пойдем в дом и переоденемся. Потом соберем корзинку для пикника и пойдем к ручью. Тебе нравится эта идея?

Сара кивнула и обняла маму за шею. Ее губы задрожали, и она изо всех сил пыталась не заплакать. Если она заплачет, мама поймет, что она подслушивала, и разозлится.

Мама долго не выпускала Сару из рук, прижимаясь лицом к волосам дочери.

— Мы справимся. Вот увидишь, милая. Мы обязательно справимся.

Алекс не возвращался, мама становилась все слабее, она посерела и сильно изменилась. Часто залеживалась в кровати подолгу, а когда все же поднималась, то не ходила на прогулки, как она это обычно делала. Если она пыталась улыбаться, глаза оставались все такими же мутными и безжизненными. Хлоя говорила, что ей нужно больше есть. Хлоя очень много говорила, не опасаясь, что Сара может это услышать.

— Он продолжает присылать вам деньги, мисс Мэй. Это что-то да значит.

— Мне наплевать на деньги. Мне всегда было на них наплевать.

— Вы бы не говорили так, если бы их не было.

Сара пыталась подбодрить маму. Она собирала и дарила ей большие букеты цветов. Отыскивала красивые камни, отмывала и тоже дарила. Мама всегда улыбалась в ответ и благодарила ее, но огонек в ее глазах так и не загорелся. Сара спела маме ту самую песенку, которую они вместе разучивали, рассказала несколько ирландских стихотворений, спела даже пару куплетов на латыни.

— Мама, почему ты больше не поешь? — спросила однажды Сара, забираясь к маме в кровать и укладывая куклу под одеяло. — Тебе будет лучше, когда ты будешь петь.

Мама медленно погладила ее по светлым длинным волосам:

— Мне сейчас не до песен. Так о многом приходится думать.

Сара почувствовала, как тяжесть заполняет ее душу. Это была целиком ее вина. Только ее. Если бы она не родилась, мама была бы счастлива.

— Алекс когда-нибудь вернется?

Мама посмотрела на нее, но Саре было безразлично. Она больше никогда не назовет его папой! Он сделал маме больно, и теперь она все время грустит. С тех пор как он уехал, мама почти не замечает ее. Однажды Сара слышала, как мама говорила Хлое, что любовь — это не благословение, а проклятие.

Сара взглянула маме в лицо, и ее сердце замерло. Она казалась такой печальной. Ее мысли снова были где-то очень далеко: Сара знала, что она думает о нем. Мама хотела и ждала его возвращения. Она плакала по ночам оттого, что он все не возвращается. Она пыталась заглушить рыдания, пряча лицо в подушку, но Сара все слышала.

Закусив губу, девочка сосредоточенно играла с куклой, готовясь задать свой вопрос:

— А что, если я заболēju и умру, мам?

— Ты не заболеешь, — ответила мама, снова бросив на нее взгляд. Улыбнувшись, она продолжала: — Ты еще слишком маленькая и здоровая и поэтому никак не можешь умереть.

Сара наблюдала, как мама причесывается. Будто бы солнце падало на ее тонкие плечи. Мама была такая красивая. Как мог Алекс не любить ее?

— Но если я все-таки умру, он вернется и останется с тобой?

Мама застыла от удивления. Затем повернулась к Саре, пристально глядя на нее. То, что Сара увидела в маминых глазах, испугало ее. Ей не стоило этого говорить. Теперь мама может догадаться, что Сара слышала, как они ссорились...

— Даже не думай об этом, Сара.

— Но...

— Нет! Никогда больше не задавай таких вопросов. Ты поняла?!

Мама впервые повысила на нее голос. Сара почувствовала, что у нее дрожит подбородок:

— Да, мама.

— Никогда больше, — сказала мама уже спокойнее. — Обещай мне. Все, что происходит, не имеет к тебе никакого отношения. — Мама протянула руку, привлекла ее к себе и нежно погладила. — Я люблю тебя. Я так сильно тебя люблю! Люблю тебя больше всего на свете.

«После него», — подумала Сара. После Алекса Стаффорда. А что, если он вернется? Что, если маме придется выбирать? Как она тогда поступит?

В страхе Сара прижалась к маме и молилась о том, чтобы он никогда не вернулся.

Однажды к маме приехал какой-то молодой человек.

Сара играла с куклой у камина, пока мама разговаривала с гостем. До сих пор в их дом приходили только два человека — мистер Пенрод, он привозил дрова, и Боб. Бобу нравилась Хлоя. Он работал мясником на рынке и всегда поддразнивал Хлою, говоря о свежих окорочках и вкусных ножках ягненка. Хлоя смеялась, но Саре это совсем не казалось смешным. Он носил грязный фартук, весь покрытый кровью.

Тем временем молодой человек передал маме письмо, но она не открыла и не прочитала его. Они вместе попили чаю, он поблагодарил ее. Потом их разговор свелся к тому, какая сегодня хорошая погода и какие замечательные цветы растут в мамином саду. Потом он рассказал, что путь из города был утомительным. Мама угостила его печеньем. Сару никто не замечал.

Что-то было не так — она это понимала. Мама сидела неестественно прямо и говорила тихо.

— Какая красивая маленькая девочка, — сказал молодой человек и улыбнулся Саре. Она опустила глаза в смущении. Она боялась, что мама отправит ее гулять, заметив ее присутствие.

— Да, это правда. Спасибо.

— Очень похожа на вас. Прелестна, как восход солнца.

Мама, улыбаясь, посмотрела на нее:

— Сара, почему бы тебе не сходить в сад и не нарвать цветов в вазу?

Девочка взяла свою куклу и вышла, не говоря ни слова. Ей очень хотелось порадовать маму. Она зашла в кухню, взяла острый нож и вышла в сад. Мама больше всего любит розы. Еще Сара срезала немного шпорника, веточек акации, ромашек и маргариток, наполнив корзинку цветами.

Когда она вернулась в дом, молодого человека уже не было. Раскрытое письмо лежало у мамы на коленях. Ее глаза сияли, а на щеках горел живой румянец. Складывая и убирая письмо, она улыбалась. Затем мама встала, подошла к Саре и, подхватив ее на руки, закружилась по комнате:

— Спасибо за цветы, дорогая! — Она крепко поцеловала Сару. Когда она наконец опустила дочку на пол, Сара поставила корзинку на стол.

— Я так люблю цветы! — сказала мама. — Они такие красивые, правда? Почему бы тебе не разобрать их? Мне нужно кое-что найти в кухне. Ой, Сара! Какой сегодня замечательный день!

«*Это плохой день*», — подумала Сара, глядя вслед маме. Ее снова объял страх. Она взяла со стола большую вазу и вышла из дома, чтобы выбросить увядшие цветы. Налила в вазу свежей воды и отправилась обратно. Когда она водружала вазу на стол, немного воды пролилось ей на платье. Сара поставила букет в воду, не срезав листья и не укоротив стебли. Ее не волновало, как выглядит букет, — она знала, что мама все равно ничего не заметит.

Алекс Стаффорд возвращался.

Мама вернулась в гостиную вместе с Хлоей:

— Дорогая, у меня для тебя замечательные новости. Хлоя решила съездить на побережье и хочет взять тебя с собой. Не правда ли, это здорово?

Сердце Сары забилось быстро и гулко.

— Правда, это мило с ее стороны? — весело продолжала мама. — У нее там есть друг, хозяин гостиницы. И он так любит маленьких девочек.

Хлоя улыбалась напряженно и холодно. Сара посмотрела на маму:

— Я не хочу ехать, мама. Я хочу остаться с тобой. — Она понимала, что происходит. Мама избавлялась от нее, потому что ее отец не хотел ее видеть. А может, и мама тоже.

— Глупости! — Мама рассмеялась. — Ты еще нигде не была, и тебе просто необходимо увидеть мир. Тебе понравится океан, Сара. Там так красиво! Ты сможешь сидеть на песке и слушать, как шумят волны. Будешь строить песочные замки и искать красивые раковины. Волны будут щекотать тебе ноги.

Мама снова ожила. Сара знала, что причиной этому было письмо. Алекс написал, что едет и хочет увидеться с мамой.

А маме не хочется, чтобы опять случился скандал, и на этот раз она решила избавиться от Сары. Девочка взглянула на сияющее лицо мамы, и ее сердце замерло.

— Ну что, дорогая? Давай пойдем и соберем твои вещи.

Сара молча наблюдала за тем, как ее одежду упаковывают в сумку. Мама спешила и не могла дожидаться той минуты, когда наконец останется одна.

— Где твоя кукла? — спросила она, оглядываясь вокруг. — Ты же хочешь взять ее с собой?

— Нет.

— Почему нет? Ты же никогда не оставляла ее одну.

— Она хочет остаться дома, с тобой.

Мама нахмурилась, но не настаивала. Впрочем, и решения своего она тоже не изменила.

Хлоя вернулась за Сарой, и они довольно долго шли по городу. Когда подъехал экипаж, Хлоя купила билеты. Взяв плату за багаж, кучер поместил его в экипаж и занял свое место, Хлоя посадила Сару внутрь, сама села напротив и улыбнулась. Ее карие глаза сияли.

— Приготовься к приключению, Сара.

Девочке захотелось выскочить и бежать домой к маме, но она понимала, что мама отправит ее назад. Когда лошади тронулись с места, Сара подобралась ближе к окну и, высунувшись, наблюдала за тем, как мимо проплывают знакомые дома. Экипаж прополз по мосту и выехал на выложенную деревом дорогу. Все, что было так знакомо, с каждой минутой удалялось, становилось все меньше. Сара вновь опустилась на трясущееся сиденье. Чем дальше они уезжали от дома, тем хуже ей становилось.

— Мы остановимся в «Четырех ветрах», — сообщила Хлоя, удовлетворенная долгим молчанием Сары. Она ожидала, что девочка будет нервничать, плакать и причинять ей множество неудобств. Возможно, она так бы и сделала, если бы это могло что-то изменить. Ей ведь никогда еще не приходилось так далеко уезжать от мамы. Но Сара понимала, что плач ничего не изменит. Алекс Стаффорд возвращается, поэтому ей лучше уехать. Она сидела тихая и сосредоточенная.

— У них хорошая еда и приличные комнаты, — продолжала рассказывать Хлоя. — Мы будем очень близко к морю. Ты сможешь одна пойти по дорожке и дойти до утеса. Посмотришь, как волны бьются о скалы. Тебе понравится, как они шумят, а запах соленого океана вообще ни с чем не сравнить.

Ни с чем не сравнить...

Саре нравился их дом и цветы в саду. Ей нравилось сидеть в беседке вместе с мамой, нравилось, когда их босые ноги взбалтывали воду в ручье.

Пытаясь справиться со слезами, она снова посмотрела в окно. Яркий свет резал глаза, а песчаная пыль проникала в горло. Часы тянулись очень медленно, от топота копыт разболелась голова. Она устала — устала так сильно, что глаза закрывались сами собой, но каждый раз, когда она погружалась в сон, экипаж кренился или вздрагивал, и она просыпалась.

Только один раз за все время пути кучер остановился, чтобы сменить лошадей и сделать небольшой ремонт. Хлоя отвела Сару в туалет. Когда же девочка вышла на улицу, Хлои нигде не было видно. Тогда она побежала к экипажу, затем в конюшню, на дорогу, выкрикивая имя Хлои.

— Прекрати этот шум! О Боже, с чего вся эта беготня? — прошептала Хлоя, внезапно появившись рядом. — Ты похожа на курицу, которой только что отрубили голову, так смешно ты бегаешь!

— Где ты была? — резко спросила Сара, слезы текли по ее щекам. — Мама сказала, чтобы мы всегда были вместе!

Брови Хлои иронически изогнулись.

— Ах, извините, госпожа, но я позволила себе, не спросив вашего разрешения, выпить кружку эля. — Она схватила Сару за руку и повела ее в станционный домик.

Жена станционного смотрителя стояла у двери и вытирала руки.

— Какая милая маленькая девочка, — сказала она, улыбнувшись Саре. — Ты голодна, прелесть моя? У тебя есть время, чтобы съесть тарелку мясного супа.

Сара потупилась, смущенная пристальным взглядом женщины.

— Нет, спасибо, мадам.

— И очень воспитанная, — добавила жена станционного смотрителя.

— Иди, Сара, — приказала Хлоя, слегка подтолкнув ее.

Усаживая девочку за стол, женщина нежно похлопала ее по спине:

— Тебе не мешало бы добавить немножко мяса на твои косточки, дорогая. Попробуй мой суп. Меня считают лучшей стряпухой на этой дороге.

Хлоя села и снова взялась за свою кружку:

— Тебе нужно поесть, прежде чем мы поедем дальше.

— Я не голодна.

Хлоя, слегка наклонившись вперед, добавила:

— Мне все равно, хочешь ты есть или нет, — произнесла она тихо. — Ты будешь делать то, что я говорю. Кучер сказал, что мы пробудем здесь еще полчаса, а потом еще целых три или четыре часа будем ехать до побережья. Мне вовсе не хочется услышать твои жалобы, когда тебе захочется есть. Это твоя последняя возможность поесть, пока мы не доберемся до места.

Сара смотрела на Хлою, стараясь не заплакать. Та заглянула ей в лицо, протянула руку и неуклюже похлопала ее по щеке.

— Поешь немного, Сара, — проговорила она. Сара послушно взяла ложку и начала есть. Мама говорила, что эту поездку устроили специально для нее, но Хлоя вела себя так, словно Сара ей мешала. Не было никаких сомнений, что мама отправила ее на побережье только ради того, чтобы от нее избавиться.

Когда они снова отправились в путь, Сара сидела очень тихо. Она пристроилась у окна, сложив на коленях маленькие ручки. Благодарная ей за молчание, Хлоя вскоре заснула. Открыв глаза через некоторое время, она с улыбкой посмотрела на Сару.

— Чувствуешь, как пахнет морем? — спросила она. Сара все так же сидела, глядя в окно, в том же положении, как тогда, когда Хлоя заснула. Но она знала, что на ее грязном лице отчетливо видны светлые полосы от слез, которые она никак не могла остановить. Хлоя с грустью посмотрела на девочку и отвернулась к своему окну.

Солнце село, и вскоре они подъехали к гостинице. Сара крепко держала Хлою за руку, пока кучер отвязывал их багаж. Она услышала громкий рев, подобный рычанию какого-то чудовища.

— Что это, Хлоя? — испуганно спросила Сара.

— Это море бьется о камни. Здорово, правда?

Сара подумала, что это самый страшный звук, который ей когда-либо доводилось слышать. Ветер завывал среди деревьев, как будто дикий зверь, ищущий свежей крови. Войдя в двери гостиницы, она услышала громкий мужской смех и крики. Отпрянув назад, она не решалась двигаться дальше.

— Смотри, будь осторожна и внимательна, — произнесла Хлоя, подталкивая ее внутрь. — И возьми свою сумку, а я понесу свою.

Взяв свою сумку, Сара, не отставая, следовала за Хлоей. Та оглядела комнату и улыбнулась. Девочка проследила за ее взглядом и увидела у стойки бара мужчину, который боролся на руках с мускулистым матросом. Сидящий рядом здоровяк разливал по кружкам эль. Заметив вошедших, он наклонился к боровшимся мужчинам, что-то тихо сказал одному из них, кивнул в сторону Хлои. Мужчина повернулся, а моряк воспользовался возникшим преимуществом и придавил его руку к стойке, издав победный крик. Сара со страхом смотрела, как побежденный вскочил на ноги и что было силы врезал моряку в правый глаз, отправляя его в нокаут.

Хлоя рассмеялась. Казалось, она совсем забыла о Саре, которая пряталась в ее пышных юбках. Девочка тихонько поскуливала от страха, когда тот же мужчина, подойдя к Хлое, под громкие крики остальных наградил ее звучным поцелуем. Он посмотрел на Сару, и она от ужаса готова была упасть в обморок. Мужчина приподнял бровь:

— Черт возьми, ты, похоже, спуталась с каким-то красавчиком.

Хлоя наконец поняла, о чем он говорит.

— А, ты о ней!.. Нет, Меррик. Она не моя. Это дочь той женщины, на которую я работаю.

— А что она делает здесь, с тобой?

— Это длинная и грустная история, которую мне не очень хочется сейчас вспоминать.

Он кивнул и потрепал ее по щеке:

— Как тебе понравилась деревенская жизнь?

Он улыбался, но эта улыбка совсем не казалась Саре милой или приятной.

Хлоя покачала головой:

— Я нашла там все, что ожидала найти.

Он рассмеялся и взял ее сумку:

— Именно поэтому ты опять с нами, да? — Он взял сумку Сары и нагло оскалился, громко рассмеявшись, когда Сара отпрянула, подумав, что это и есть сам дьявол.

Она еще никогда не видела подобных людей. Меррик был большой, просто огромный, черноволосый, лицо его обрамляла борода. Он показался девочке похожим на пиратов, о которых ей рассказывала мама. Он обладал громким, звучным голосом, а когда смотрел на Хлою, казалось, что он собирается ее съесть. Хлоя будто бы ничего не

замечала. Не обращая внимания на Сару, она направилась в другой конец комнаты. Сара пошла за ней, боясь остаться одна. Все, кто был в комнате, смотрели на нее.

— Эй, Стомп! Налей-ка нашей Хлое кружку эля! — потребовал Меррик, обращаясь к седому бармену, который приветствовал Хлою, ухмыляясь и подмигивая. Меррик взял Сару за талию, поднял и посадил на барную стойку. — И немного разбавленного вина для этого бледного цыпленка. — Он пощупал ее бархатный жакет. — Твоя мама, должно быть, очень богата, да?

— Ее папа богат, — сообщила Хлоя. — И женат.

— Ах, вот как! — Меррик подмигнул Хлое. — Вот, значит, как обстоят дела. Я-то думал, ты работаешь в уважаемой семье.

— Это хорошая работа. Никто не смеет бросать на меня косые взгляды.

— А твои хозяева знают, что ты пять лет работала в пивной, прежде чем решила улучшить свое положение? — Он положил руку ей на бедро. — Я уж не говорю о дополнительном заработке на стороне...

Хлоя покосилась на Сару и отбросила его руку:

— Мэй знает. Она не из тех, кто смотрит на людей сверху вниз. Она мне нравится.

— А этот мышонок хоть немного похож на нее?

— Точная копия.

Меррик подергал Сару за подбородок и похлопал по щеке:

— Глаза синие, как фиалки, а волосы, как у ангела. Твоя мама, должно быть, потрясающе красива, если ты похожа на нее. Мне бы хотелось повстречаться с ней.

Хлоя напряглась, как натянутая пружина, и Сара подумала, что она злится. Ей так хотелось, чтобы Меррик оставил ее в покое, но он все продолжал поглаживать девочку по щеке. Саре захотелось сбежать и спрятаться как можно дальше от этого ужасного бородастого человека, не видеть его черных глаз и ухмылок.

— Оставь ее в покое, Меррик. Она достаточно напугана и без твоих домогательств. Она впервые оказалась так далеко от мамы.

Он захохотал:

— Кажется, девчонка готова умереть от страха. Эй, крошка! Я не такой уж страшный. Пей. — Он придвинул Саре кружку разбавленного вина. — Это все, что тебе сейчас нужно. Всего глоток, и тебе

уже совсем не будет страшно. — Он снова засмеялся, увидев, как Сара скорчила гримасу, попробовав вино. — Она что, привыкла к чему-то получше?

— Она ни к чему не привыкла.

Теперь Сара не сомневалась, что Хлоя злится. Ей очень не нравилось то, что Меррик столько внимания уделяет Саре. Хлоя сердито смотрела на нее:

— Ну, не будь такой трусихой. Он просто пустобрех, ну и кое-кто еще.

Раздался громкий хохот. Смеялись все, включая старого Стомпа и самого Меррика. Саре очень хотелось вскочить и убежать от этих громких голосов, смеха и глазающих на нее людей. Девочка облегченно вздохнула только тогда, когда Хлоя помогла ей спуститься на пол, и они вместе пошли и сели за стол. Сара слегка удивилась, увидев, что Меррик идет следом. Подвинув стул, он сел рядом. Опустошив одну кружку, тут же заказывал следующую. Он шутил, и Хлоя не переставала смеяться над его шутками. Он сунул руку под стол, и Хлоя оттолкнула его от себя. Но она улыбалась и говорила все больше и больше. Ее голос звучал очень весело, слова будто слились в один поток.

Сара очень устала, ее веки так отяжелели, что, казалось, глаза сейчас закроются, и она ничего не сможет с этим поделать.

Меррик поднял очередную кружку с элем.

— Мышонок, кажется, уже уплывает.

Хлоя, слегка прикоснувшись к голове Сары, сказала:

— Сложи руки на столе и поспи немного.

Сара покорилась, желая поскорее уйти в комнату. Но Хлоя, по-видимому, не собиралась уходить. Казалось, ей нравится все происходящее. Она смотрела на Меррика и улыбалась такой странной улыбкой.

— Зачем ты привезла ее с собой? — глухо спросил Меррик. Сара прикрыла глаза и притворилась спящей.

— Потому что ее мама встречается с ее дорогим папашей, и они оба не хотели ее видеть. — Голос Хлои прозвучал сухо. — Оставь меня в покое.

— Ты не хочешь? — Меррик громко захохотал. — Ты же для этого к нам вернулась. Как там деревенские мальчики?

— Никак. Один ходит за мной и уговаривает выйти за него замуж.
— Давай поднимемся наверх и обсудим это.
— А что мне с ней делать? Я так разозлилась, когда Мэй повесила ее на меня.

Слезы выступили на глазах Сары, в горле запершило.

Неужели она больше никому не нужна?

— Мне кажется, что эту хорошенькую малышку легко пристроить. Кто-то же мог о ней позаботиться.

— Я говорила Мэй об этом, но она сказала «нет». Она доверяет мне. Единственное занятие, что у нее остается, когда ее любовник в отъезде, это игры с ребенком. Она же ничего больше не умеет, как только выращивать цветы и принаряжаться.

— Мне показалось, что она тебе нравится.

— Она мне вообще-то нравится, но каждый раз, когда Его Величество вдруг приезжает, угадай, что мне достается? Мне уже начинает надоедать везде таскать с собой чужого ребенка.

Меррик хихикнул:

— Что ж, почему бы нам просто не столкнуть ее с утеса? Может быть, ее мама и папа были бы нам благодарны. Может, премию бы тебе дали.

Сердце Сары громко заколотилось.

— Это не смешно, Меррик. — Хлоя выглядела раздраженной. — Давай-ка лучше разбудим ее и положим в кровать. У нее сегодня был тяжелый день. — Она слегка толкнула Сару, которая тотчас подняла голову и облегченно вздохнула. Хлоя взяла ребенка за руку. — Пойдем, сейчас мы ляжем спать. Скажи «до свидания» мистеру Меррику.

Он ухмыльнулся:

— Скоро встретимся с вами наверху, дамы.

Когда Хлоя открыла дверь своей комнаты, Меррик, оказавшийся рядом, не дал запереть ее и вошел следом. Сара встревоженно посмотрела на Хлою.

— Что ты делаешь? — прошептала Хлоя свирепо, обращаясь к Меррику. — Ты не можешь быть здесь со мной. Она обязательно расскажет мамочке, и я потеряю работу.

— Я об этом позабочусь. — Меррик наклонился и ущипнул Сару за щеку. — Попробуй только сказать кому-нибудь, что я был в этой комнате с Хлоей, и я отрежу твой маленький розовый язычок. Поняла?

Сара поверила всему услышанному и смогла только кивнуть в ответ. Он улыбнулся приторно и отпустил ее. Она метнулась в угол и забралась на кровать, дрожа и чувствуя тошноту.

— Вот видишь? — Меррик весело загоготал. — Нам не о чем беспокоиться. Она никому не скажет и слова о нас.

Хлоя уставилась на него широко открытыми глазами. Она выглядела расстроенной, и Сара надеялась, что она попросит мужчину уйти.

— Это было очень жестоко, — проговорила Хлоя и перевела взгляд на Сару. — Он, на самом деле, не это имел в виду, милая. Он пошутил. Не верь ни одному его слову.

— Тебе лучше верить, деточка. Я вовсе не шутил. — Меррик привлек и прижал к себе Хлою. — Жестоко? Жестоко было бы выставить меня сейчас за дверь, зная, как сильно я хочу быть с тобой.

Она оттолкнула его. Мужчина снова потянулся к Хлое, она увильнула от его объятий. Но даже Саре было件нятно, что сопротивляется Хлоя только для виду. Как могла она терпеть рядом с собой этого ужасного человека?

— Я ведь знаю тебя, Хлоя. — Меррик широко улыбался, его глаза масляно блестели. — Для чего ты проделала такой долгий путь до побережья? Чтобы посмотреть на море?

— Море у меня в крови, так же, как у тебя.

Меррик снова прижал ее к себе и поцеловал. Хлоя боролась, пытаясь вырваться, но он держал ее крепко. Когда она наконец расслабилась в его объятиях, он отстранился немного и сказал:

— Кое-что еще есть у тебя в крови.

— Меррик, не надо. Она смотрит...

— Ну и что?

Он поцеловал ее снова, она сопротивлялась. Сара сидела, холодея от страха. Может быть, он просто убьет их обеих?

— Нет! — зло выкрикнула Хлоя. — Выметайся отсюда. Я не могу. Я должна заботиться о ребенке.

Он засмеялся:

— Я не знал, что ты так ответственно относишься к поручениям. — Ухажер разжал объятия, но Сара заметила, что Хлое это не слишком понравилось. Казалось, она вот-вот заплачет. Меррик улыбнулся и повернулся к Саре:

— Пошли, мышонок.

— Что ты делаешь, Меррик? — требовательно спросила Хлоя, в то время как Сара пыталась забиться в самый дальний угол кровати.

— Выставляю ее за дверь. Ей не повредит посидеть в коридоре немножко. И не упирайся. Я тебя слишком хорошо знаю... Кроме того, она будет совсем рядом, за дверью. Никто ее не тронет.

Сняв с одной из кроватей одеяло и подушку, он махнул Саре рукой:

— Не вынуждай меня подходить к тебе.

Сара не осмелилась послушаться.

Она пошла за Мерриком, глядя, как он вытаскивает одеяло и подушку в темный коридор. Чья-то большая тень промелькнула в темноте и затаилась в углу. Она смотрела на Меррика широко открытыми, испуганными глазами.

— Сиди здесь и не двигайся. Если слушаешься, я брошу тебя в море и скормлю крабам. Поняла?

Во рту у Сары пересохло, она не могла произнести ни слова. Поэтому просто кивнула.

В дверях показалась Хлоя:

— Меррик, я не могу оставить ее здесь одну. Я видела крысу.

— Она слишком мала, и крысы ее трогать не будут. Она вполне сможет побыть здесь. Ей понравится. — Он потрепал девочку по щеке. — Ведь так? Оставайся здесь, пока Хлоя не позовет тебя. И не сходи с этого места до тех пор, пока она не придет за тобой.

— Д-да, сэр, — из последних сил выдавила Сара. Слова застряли у нее в горле.

— Видишь? — Он выпрямился и посмотрел на Хлою, потом толкнул ее обратно в комнату. Спустя мгновение дверь за ними закрылась.

Сара слышала голос Меррика и хихиканье Хлои. Потом до нее донеслись другие звуки, от которых ей стало страшно. Она хотела убежать, но вспомнила обещание Меррика скормить ее крабам, если она уйдет. В испуге она укрылась одеялом с головой и закрыла уши ладонями.

Наступившая тишина давила на нее со всех сторон, и давление все нарастало. Выглядывая из-под одеяла, Сара всматривалась в темный коридор. Ей казалось, что из густого мрака на нее смотрят чьи-то глаза. Что, если крыса вернется? Ее сердце колотилось, как

огромный барабан, все тело дрожало. Она услышала легкое царапание и вся сжалась, вглядываясь в темноту, испуганная тем, что там могло прятаться.

Дверь открылась, и она подскочила от неожиданности. В коридор вышел Меррик. Она прижалась к стене в надежде, что он ее не заметит. Он прошел мимо. Он уже забыл о ее существовании. И даже не взглянул на нее, направляясь к лестнице. Хлоя сейчас выйдет и позовет ее. Она заберет ее из этого темного, холодного коридора.

Проходили минуты, потом часы.

Хлоя не вышла. Закутавшись в одеяло и прижавшись к стене, Сара продолжала ждать — так же, как ждала маму в тот день, когда приехал Алекс.

Утром, с первыми лучами солнца, Хлоя проснулась с жуткой головной болью. Похоже, вчера она выпила слишком много эля, так что с трудом могла ворочать языком. Вытянув руку, она потрогала пустую холодную кровать и поняла, что Меррик уже ушел. Это было так на него похоже. Откровенно говоря, сейчас ей не до него. После всего, что произошло этой ночью, он не сможет сказать, что не любит ее. Ей захотелось кофе. Поднявшись, она быстро умылась и оделась. Открыв дверь, она увидела ребенка, сжавшегося в холодном коридоре; голубые глаза девочки блеснули.

— Ох! — Хлоя не смогла сдержать изумленный вздох. Она совершенно забыла о своих обязанностях. Страх и чувство вины одновременно навалились на нее. А если Мэй узнает, что ее дочка всю ночь спала в этом мрачном и сыром коридоре? Она подняла Сару и внесла в комнату. Ее маленькие ручки были как лед, все тело побелело от холода.

— Не говори маме, — чуть не плача сказала Хлоя. — Если меня выгонят с работы, это будет только твоя вина. — Она разозлилась, поняв, насколько угрожающей была ситуация. Ее положение зависело теперь от молчания этого ребенка. — Почему ты ночью не пришла в комнату? Когда Меррик уходил, он же сказал, что ты можешь войти?

— Нет, не сказал. Он сказал, что я не должна сходить с места, пока ты меня не позовешь, — тихонько прошептала Сара, начиная плакать.

— Не лги! Я слышала, что он сказал! Все было совсем не так!

Сара заплакала еще сильнее — от смущения и страха.

— Прости меня, Хлоя. Прости меня. Прости. — Глаза маленькой девочки покраснели от слез. — Пожалуйста, не говори Меррику. Я боюсь, что он скормит меня крабам или сбросит со скалы! Он ведь обещал!

— Ну, хватит! Перестань плакать! — с досадой бросила Хлоя, остывая. — Плач все равно не поможет. Скажи, помог ли он когда-нибудь твоей маме? — Чувствуя угрызения совести, она взяла Сару на руки и прижала к себе. — Мы никому не скажем. Это будет наш с тобой секрет.

Меррик больше не пришел, и Хлоя сильно напилась на следующий вечер. Уложив Сару в постель, она спустилась в бар, надеясь, что он придет позже. Он не появился. Она посидела еще немного, развлекаясь и смеясь вместе с другими, делая вид, что ее совсем ничего не беспокоит. Затем поднялась в комнату, прихватив бутылку рома. Сара проснулась и сидела на постели с широко распахнутыми глазами.

Хлое захотелось поговорить. Ей нужно было выпустить пар. Она ненавидела Меррика за то, что он снова заставил ее страдать. Она слишком часто позволяла ему ранить себя. Когда же наконец она научится отказывать ему? Зачем она вернулась? Она же знала, что случится. Так было всегда.

— Я поделюсь с тобой истинами Господними, маленькая. Слушай внимательно. — Сделав большой глоток, она проглотила слезы и выпустила на свободу всю накопившуюся горечь и злость: — Все, что нужно мужчинам, это использовать тебя. Когда ты открываешь перед ними свое сердце, они разбивают его на кусочки. — Высказавшись, она отпила из бутылки и добавила чуть слышно: — Им всем наплевать. Посмотри на своего папашу. Думает ли он о твоей маме? Нет...

Сара попыталась зарыться в одеяло и заткнуть уши.

— Похоже, маленькая принцесса не хочет слышать горькую правду? Это плохо, очень плохо. — Хлоя вихрем подскочила к ее кровати и сорвала с нее одеяло. Когда Сара попыталась отползти, Хлоя схватила ее за ноги и потащила к себе. — Сиди и слушай меня! — Она схватила ребенка и с силой встряхнула. Сара зажмурилась и закрыла руками лицо. — Смотри на меня! — бушевала Хлоя до тех пор, пока Сара не послушалась.

Сара смотрела на женщину огромными от ужаса глазами. Она дрожала всем телом. Хлоя ослабила хватку.

— Твоя мама просила позаботиться о тебе, — сказала она. — Что ж, я позабочусь. Я поделюсь с тобой истинами Божьими. Слушай и учись. — Она отпустила ее, и Сара сидела неподвижно и тихо.

Злобно уставившись на нее, Хлоя уселась в кресло у окна и глотнула рома. Потом указала на Сару пальцем, пытаясь держать руку так, чтобы она не тряслась.

— Твой чудесный папаша плевал на всех и больше всего на тебя. Твоя мама интересуется его только из-за того, что она может ему дать. И она отдает ему все. Он появляется, когда ему угодно, использует ее и возвращается на своей прекрасной лошади в свой милый дом, к жене-аристократке и хорошо воспитанным детям. А твоя мама? Она живет в ожидании, когда же он опять придет к ней.

Она наблюдала за тем, как Сара все больше прижимается к стене. Как будто стена сможет защитить ее... Откуда же ребенку знать, что ничто не может защитить женщину от жестоких, холодных фактов. Хлоя грустно усмехнулась и покачала головой:

— Твоя мать такая милая и глупая. Она ждет его и готова целовать ему ноги, когда он возвращается. А знаешь ли ты, почему он так редко приезжает? Из-за тебя. Он не может видеть свое собственное отродье. Твоя мама плачет и умоляет его остаться, но разве ей это хоть раз помогло? Рано или поздно он устанет от нее и выбросит ее из своей жизни, как ненужный мусор. И тебя вместе с ней. На это ты точно можешь рассчитывать.

Сара громко плакала, и Хлоя, подойдя и наклонившись, отерла ей слезы.

— В этом мире всем друг на друга наплевать, — продолжила Хлоя. Ей было тоскливо, она мрачнела с каждой секундой. — Все мы используем друг друга, так или иначе. Чтобы нам было хорошо. Или плохо. Или вообще никак. У некоторых это очень хорошо получается. Например, у Меррика. Или у твоего богатого папы. Остальные просто берут то, что могут ухватить.

Мысли Хлои начинали путаться. Она не переставала говорить, но ее веки скоро так отяжелели, что она уже не могла их открыть. Поглубже усевшись в удобное кресло, девушка склонила голову на грудь.

Все, что ей нужно, это несколько минут сна. Больше ничего. Она поспит, и все будет хорошо...

Сара смотрела на Хлою, которая продолжала что-то бубнить, удобнее устраиваясь в кресле, пока наконец не уснула. Спала она шумно, из уголка ее приоткрытого рта медленно стекала слюна.

Сара так и сидела на смятой кровати, дрожа и пытаясь понять, права ли была Хлоя. Но где-то глубоко в душе она знала, что Хлоя права. Если бы ее отцу было безразлично, разве он смог бы пожелать ей смерти? Если бы мама заботилась о ней, она никогда бы не отправила ее одну так далеко.

Истины Божьи. Что это такое, истины Божьи?

Следующим утром они уехали. Море Сара не увидела даже мельком.

Когда они приехали домой, мама старалась вести себя так, будто все в порядке, но Сара догадывалась, что происходит что-то ужасное. Перед домом стояло множество коробок, а мама упаковывала вещи.

— Мы едем в гости к твоим бабушке и дедушке, — весело проговорила мама, но ее глаза смотрели безжизненно. — Они же ни разу тебя не видели.

Она сказала Хлое, что ей будет очень ее не хватать. Хлоя просила ее не расстраиваться. Они с Бобом, скотником, все же решили пожениться. Мама высказала надежду, что все у них получится и они будут счастливы, после чего Хлоя ушла.

Посреди ночи Сара проснулась. Мамы не было на кровати, но Сара слышала ее голос. Она пошла на его громкий звук и попала в гостиную. Окно было открыто, и она выглянула на улицу. Что мама там делает среди ночи?

Луна ярко освещала сад, и Сара сразу увидела маму, которая склонилась над цветочными кустами в своей белой сорочке. Она обрывала цветы. Куст за кустом, она выдергивала растения и разбрасывала их в разные стороны, рыдая и что-то судорожно говоря. Подняв нож, она встала на ноги и подошла к другому кусту. Вновь опустившись на колени рядом со своими любимыми розами, она начала срезать их, одну за другой. Все до единой.

Закончив, мама согнулась и сидела так, скорчившись, покачиваясь и всхлипывая. Нож по-прежнему был в ее руке.

Сара опустилась на пол и спряталась в темноте, закрыв голову руками.

Весь следующий день они провели в дороге, ночью спали в комнате маленькой гостиницы. Мама почти ничего не говорила, и Сара лишь крепче прижимала к себе свою куклу. В комнате была только одна кровать, и Саре пришлось спать, прижавшись к маме, чему она была очень рада. Проснувшись утром, она увидела, что мама сидит у окна, перебирая четки и молясь. Сара прислушалась, не понимая, к единственной фразе, которую мама без конца повторяла:

— Прости меня, Господи Иисусе, я сама во всем виновата... *Mea culpa, mea culpa* — моя вина, моя вина...

Весь следующий день они опять провели в дороге и наконец приехали в город. Мама была сосредоточенной и бледной. Она причесала Сару, пригладила одежду на ней и поправила ей шляпку. Взяла ее за руку, и они пошли по дороге. Шли очень долго, пока наконец не пришли на улицу, обсаженную деревьями.

Подойдя к белому забору, они остановились у ворот.

— Боже, пожалуйста, пожалуйста, помоги им простить меня, — шептала мама. — О, Господи, пожалуйста...

Сара посмотрела на дом. Он был небольшим, не намного больше их дома, но ей очень понравилась веранда и цветочные горшки на подоконниках. Кружевные занавески завершали картину. Все увиденное показалось ей привлекательным.

Они подошли к двери, мама глубоко вздохнула и постучала. На стук вышла седая женщина небольшого роста.

На ней было сатиновое платье в мелкий цветочек и белый передник. Она все смотрела и смотрела на маму. Ее глаза наполнились слезами.

— О, — только и смогла произнести она. — О, Господи...

— Я вернулась домой, мама. Пожалуйста, позволь мне остаться.

— Это не так просто. Ты знаешь, что это совсем не просто.

— Мне некуда больше идти, — сказала мама.

Женщина взглянула на Сару.

— Не стоит даже спрашивать, чей это ребенок, — проговорила она с грустной улыбкой. — Она очень красива.

— Пожалуйста, мама...

Женщина открыла дверь шире и пустила их. Они прошли в большую комнату, всю заставленную книгами.

— Подождите здесь, пока я поговорю с твоим отцом, — сказала женщина и вышла.

Мама ходила, нервно заламывая руки. На несколько секунд она замерла, прикрыв глаза. Ее губы шевелились. Женщина вернулась с совершенно белым лицом: казалось, на нем добавилось морщин. По ее щекам текли слезы.

— Нет, — горько сообщила она. Одно слово. Только одно. «Нет». Мама шагнула к двери, но женщина остановила ее:

— Все, что он скажет, только ранит тебя еще больше.

— Ранит? Разве что-то сможет ранить меня еще больше, мама?

— Мэй, пожалуйста, не надо...

— Я стану умолять. Я брошусь на колени. Я скажу, что он был прав. Он был прав.

— Это не поможет. Он сказал, что его дочь умерла.

Мэй побежала к двери.

— Я не умерла! — раздался ее крик.

Женщина попыталась удержать ее. Она быстро пошла следом, плотно прикрыв за собой дверь. Сара осталась одна и сидела, прислушиваясь к доносящимся голосам.

Через несколько минут мама вернулась. Ее лицо было очень бледным, но слезы уже высохли.

— Вставай, дорогая, — сказала она хмуро. — Мы уходим.

— Мэй, — заговорила женщина. — О, Мэй... — Подойдя, она что-то вложила ей в ладонь. — Это все, что у меня есть.

Мама не произнесла ни слова. Из соседней комнаты донесся раздраженный, требовательный голос.

— Мне нужно идти, — быстро проговорила женщина.

Мама кивнула, и они вышли за дверь.

Дойдя до конца зеленой аллеи, Мэй разжала ладонь и взглянула на купюру, которую дала ей мать. Криво усмехнулась. Опять взяла Сару за руку, и они двинулись дальше. Слезы ручьем текли по ее щекам.

Мама продала свое кольцо с рубином и жемчуг. На эти деньги они смогли прожить какое-то время в гостинице. Вскоре мама продала

музыкальную шкатулку, и еще некоторое время они довольно прилично жили в недорогом пансионе. Когда деньги закончились, мама попросила Сару отдать хрустального лебедя. На полученные от продажи средства они достаточно долго снимали захудалую меблированную комнату в сомнительном районе, пока в конце концов маме не удалось найти лачугу недалеко от нью-йоркского порта и снять ее.

Наконец Сара увидела море. В воде плавало множество мусора. Но даже несмотря на это, море очень полюбилось ей.

Иногда она сидела на причале. Ей нравился пропитанный солью и йодом воздух и корабли, которые заходили в порт для разгрузки. Ей нравилось, как шумят волны, разбиваясь о пирс, нравились крики чаек над головой.

В порту было множество матросов из разных стран. Некоторые из них приходили в гости к маме, и в такие дни Сару просили пойти погулять. Матросы никогда не задерживались слишком долго. Некоторые, похлопав Сару по щеке, говорили, что вернутся, когда она немного подрастет.

Кто-то из них даже сказал, что Сара красивее мамы, но Сара знала, что это неправда.

Ей очень не нравились все эти мужчины. Мама смеялась с ними и вела себя так, будто очень рада их приходу, но когда они уходили, она плакала и пила виски, пока не засыпала на смятой кровати, стоявшей у окна.

Когда Саре исполнилось семь, она задумалась над тем, что ей говорила Хлоя об «истинах Божьих». Может быть, она была в чем-то права?

Однажды к ним пришел дядя Роб. Они стали жить вместе, и все понемногу стало налаживаться. К маме почти перестали заходить другие мужчины. Они приходили только тогда, когда в карманах дяди Робба не было слышно звона монет. Он был очень большой и глупый, и мама относилась к нему с любовью. Они вместе спали в той самой постели у окна, а Саре постелили на полу.

— Он не слишком смывленный, — однажды сказала ей мама, — но у него доброе сердце, и он старается заботиться о нас. Время сейчас тяжелое, иногда он ничего не может заработать. Ему нужна моя помощь.

Бывали дни, когда Роб просто сидел у двери, напивался и пел песни о женщинах.

В дождливые дни он шел в соседский трактир и проводил время с друзьями, а мама напивалась и спала. Сара, чтобы хоть как-то развлечься, отыскивала жестяные баночки, очищала их от грязи и натирала до блеска. Она подставляла их в те места, где протекала крыша, и в дождь сидела и слушала музыку, которую издавали баночки, когда в них попадали капли воды.

Хлоя оказалась права, когда говорила, что слезами горю не поможешь. Мама все время плакала. Сара устала от ее плача, она старалась заткнуть уши, чтобы больше ничего не слышать. Ведь эти рыдания ничего не могли изменить.

Когда Сара проходила по улице, дети дразнили ее, а маму называли оскорбительными словами. Сара только смотрела на них и ничего не отвечала. Все, что они говорили, было правдой; спорить с этим было невозможно. Слезы подступали к глазам и все внутри сжималось от боли, — ей становилось так тяжело, что казалось, она не сможет этого вынести. Тогда она проглатывала слезы и прятала их как можно глубже — в конце концов они превратились в маленькие твердые камешки в ее груди. Сара научилась смотреть в глаза своим мучителям и улыбаться с презрением. Она научилась вести себя так, будто ничто из сказанного ее не задает. Иногда она пыталась убедить себя в этом.

Той зимой, когда Саре исполнилось восемь, мама тяжело заболела. Она не стала приглашать врача. Она говорила, что ей просто надо отдохнуть. Но с каждым днем ей становилось все хуже, дышать было все труднее.

— Позаботься о моей маленькой девочке, Роб, — попросила мама. И улыбнулась, как раньше.

Умерла она утром, с первыми лучами весеннего солнца, сжимая четки в руке. Роб громко плакал, а Сара стояла молча. Слез не было, но была невыносимая тяжесть внутри. Когда Роб ненадолго ушел, она легла рядом с мамой и обняла ее.

Мама была очень холодная и окоченевшая. Саре так хотелось согреть ее. Ее глаза наполнились слезами. Она прикрыла их и шептала снова и снова:

— Проснись, мама! Проснись! Пожалуйста, проснись!.. — Мама не просыпалась, и Сара уже не могла сдержать слез. — Я хочу с тобой.

Забери и меня, Боже. Я хочу уйти вместе с мамой. — Она рыдала до тех пор, пока сил совсем не осталось. Проснувшись оттого, что Роб поднимал ее с кровати. С ним было еще несколько мужчин.

Сара увидела, что они забирают маму, и закричала, чтобы они оставили ее здесь и не трогали. Роб крепко держал Сару, прижимая к себе, пока другие продолжали заворачивать маму в простыню. Сара притихла и смотрела за тем, что они делают. Роб отпустил ее, и она села на пол.

Мужчины разговаривали между собой, словно Сары не было в комнате. Может быть, ее прежней действительно не было. Может быть, она стала другой.

— Спорю, что Мэй когда-то была очень красивой, — произнес один из мужчин, сшивая простыню.

— Ей лучше сейчас, — подхватил Роб, снова начиная плакать. — Сейчас она счастлива. И свободна.

«Свободна, — подумала Сара. — Свободна от меня. Если бы меня не было, она бы жила в хорошеньком деревенском домике, где кругом цветы. Мама была бы счастлива. Она была бы жива».

— Погоди-ка, — сказал другой мужчина. Он взял четки из рук мамы, бросил Саре на колени. — Спорю, она хотела бы отдать их тебе, детка. — Он закончил сшивать материал, а Сара, перебирая четки холодными пальцами, смотрела в пустоту.

Скоро все ушли и унесли с собой маму. Сара еще долго сидела одна и размышляла о том, сдержит ли Роб свое обещание. Позабудется ли он о ней? Наступила ночь, а он все не возвращался. Сара вышла из дома и, спустившись к причалу, бросила четки в мусорную кучу.

— Где же Твоя доброта? — закричала она, подняв голову к небесам. Ответа не было.

Она вспомнила, что однажды мама ходила в огромную церковь и долго разговаривала со священником. Он что-то говорил ей, а мама слушала, склонив голову. Слезы текли по ее щекам. С тех пор она больше никогда не ходила в церковь, но иногда все же брала в руки четки и сидела, перебирая бусины своими тонкими пальцами и слушая шум дождя.

— Где Твоя доброта? — опять закричала Сара. — Скажи мне! — Проходивший мимо моряк удивленно взглянул на нее.

Роба не было еще несколько дней, а когда он наконец вернулся, то был настолько пьян, что даже не мог вспомнить, кто она такая. Она сидела, скрестив ноги, спиной к огню и смотрела на него. Он плакал, слезы стекали по его заросшим щекам. Каждый раз, когда он поднимал наполовину опустошенную бутылку и делал очередной глоток, она видела, как шевелится его кадык. Скоро он свалился и захрапел, остатки виски вылились из бутылки и утекали сквозь щели в полу. Сара укрыла его одеялом и села рядом:

— Все хорошо, Роб. Я позабочусь о тебе. — Она не может сделать это так, как делала мама, но она обязательно что-нибудь придумает.

Дождь стучал в стекло. Сара выставила свои жестяные баночки и, перестав думать о чем-либо, прислушивалась к звону капель, музыка которых оживляла печальную и холодную комнату.

Она счастлива, по-настоящему счастлива. Сара пыталась убедить себя в этом. Больше никто не постучится в эту дверь, никто не сможет их побеспокоить.

Роб проснулся утром, охваченный чувством вины. Он снова плакал.

— Мне нужно сдержать свое обещание, иначе Мэй не сможет успокоиться. — Он положил голову на руки и смотрел на Сару налитыми кровью грустными глазами. — Что мне делать с тобой, а? Мне нужно выпить. Очень нужно. — Он порылся в буфете, но не смог найти ничего, кроме баночки бобов. Открыв ее, он съел половину содержимого, остальное отдал Саре. — Я сейчас уйду ненадолго. Нужно обдумать все, встретиться с друзьями. Может, вместе мы сможем что-то придумать.

Сара легла на кровать и прижалась лицом к маминой подушке, вдыхая ее запах и этим успокаивая себя. Она ждала возвращения Роба. Проходили часы, внутри появилась дрожь, которая вскоре охватила все тело.

Было очень холодно, шел снег. Сара развела огонь и доела остаток бобов. Дрожа от холода, она стащила с кровати одеяло и укуталась в него. Она старалась устроиться поближе к каминной решетке.

Солнце садилось, вокруг стояла мертвая тишина. Все внутри нее как будто замерло, и она подумала, что если попытаться закрыть глаза и расслабиться, то можно перестать дышать и умереть. Она

попыталась было это сделать, но вдруг услышала мужской голос, восторженный и громкий. Это был Роб.

— Вам понравится. Я клянусь! Это очень хороший ребенок. Похожа на Мэй. Красивая. Очень красивая. И умная.

Когда он открыл дверь, она облегченно вздохнула. Он не был пьян, лишь немного нетрезв, глаза блестели от радости. Он улыбался, впервые за несколько недель.

— Теперь все будет хорошо, детка, — сказал он и пригласил в комнату какого-то мужчину, пришедшего с ним.

Гость походил на одного из тех грузчиков, которых она видела на причале; его глаза смотрели жестко и холодно. Он взглянул на нее, и она попятилась.

— Вставай, — произнес Роб, помогая ей подняться. — Этот джентльмен хочет познакомиться с тобой. Он работает у одного человека, который желает удочерить маленькую девочку.

Сара не понимала, о чем говорит Роб, но знала, что гость ей совсем не нравится. Он подошел к ней, и она попыталась спрятаться за спиной Роба, но тот удержал ее перед собой. Гость взял ее за подбородок, повернул ее голову несколько раз из стороны в сторону, внимательно изучая. Затем прикоснулся к волосам, пропустил ее светлый локон меж пальцев.

— Чудесно. Просто замечательно, — проговорил он наконец, улыбаясь. — Она ему понравится.

Ее сердце бешено заколотилось. Она посмотрела на Роба, но тот был спокоен и не замечал никакой опасности.

— Она очень похожа на маму, — сказал Роб дрогнувшим голосом.

— Она худая и грязная.

— Мы бедны, — жалобно пробормотал Роб.

Вытянув из кармана несколько купюр, мужчина отделил две и отдал их Робу.

— Вымой ее и купи ей приличную одежду. Потом привози по этому адресу. — Отдав Робу записку с адресом, гость вышел.

Роб издал восторженный возглас.

— Похоже, в твоей жизни наступают отличные перемены, — произнес он, усмехаясь. — Разве я не говорил твоей маме, что смогу позаботиться о тебе? — Он взял ее за руку, они вышли на улицу и, пройдя несколько кварталов, остановились у двери. Открыла женщина

в тонком халате. Ее вьющиеся темные волосы спускались на худые плечи, под карими глазами были отчетливо видны черные круги.

— Мне нужна твоя помощь, Стелла.

Выслушав короткое объяснение, женщина нахмурилась и закусила губу:

— Ты уверен, что ты на самом деле этого хочешь? Ты был не слишком пьян, когда принимал такое решение? Не думаю, что ты поступаешь правильно. А он тебе сказал, как зовут мужчину?

— Я его не спрашивал, но я знаю, на кого он работает. Рэдли сказал мне. Джентльмен, который хочет ее удочерить, богат, как царь Мидас, и работает в правительстве.

— Тогда почему он ищет ребенка в порту?

— Какая разница? Это лучшее, что я могу для нее сделать, я пообещал Мэй. — Его голос дрогнул от слез.

Стелла посмотрела на него с грустью:

— Не плачь, Роб. Я сделаю из нее красавицу. Ты можешь пойти выпить и вернуться позже. Она будет готова.

Он ушел, а Стелла стала рыться в своем гардеробе, пока не нашла что-то мягкое и розовое.

— Я сейчас приду, — с этими словами она вышла, взяв ведро. Вернувшись, она согрела в тазу немного воды. — А сейчас тебе нужно как следует вымыться. Никому не захочется иметь дело с грязнулей.

Сара подчинилась, но в душу закрался страх. Оставшейся водой Стелла вымыла ей голову.

— У тебя чудесные волосы — я никогда таких еще не видела. Они похожи на сияние солнца. И у тебя просто потрясающе красивые синие глаза.

Женщина перешила для Сары свою розовую блузку, вплела голубые ленты в ее волосы. Сара вспомнила, как это делала мама, когда они жили в деревне. Или ей все это приснилось? Стелла покрыла бледные щечки Сары румянами и подкрасила губы помадой.

— Ты такая бледная. Не бойся, милая. Кто осмелится обидеть такого ангелочка?

Роб вернулся на следующий день. Он был пьян, в карманах ни гроша. Глаза выражали смятение и боль.

— Привет, малышка. Ну что, ты готова?

Она крепко обняла его:

— Не отдавай меня никому, Роб. Позволь мне остаться с тобой. Ты будешь моим папой.

— Да? И что прикажешь с тобой делать, а? — Он слегка отодвинул ее от себя и взглянул на нее с грустной улыбкой. — У меня и без тебя проблем хватает.

— Тебе ничего не надо делать. Я смогу сама позаботиться о себе. И о тебе.

— И как же ты это сделаешь? Ты еще слишком мала, чтобы зарабатывать деньги. Будешь воровать, как я? Нет. Тебе лучше перебраться к этим денежным мешкам и жить без забот. Ну что, пошли?

Они шли очень долго. Темнело. Сара испуганно прижималась к Робу. Они проходили мимо баров, из окон которых лилась громкая музыка, доносились крики и пение. Затем они шли по улицам мимо больших, красивых домов, каких Сара никогда еще не видела. Окна походили на огромные светящиеся глаза, которые словно следили за каждым ее шагом. Она не была частью этого мира, и они как будто говорили ей убраться прочь. Дрожа, Сара все сильнее сжимала руку Роба, тогда как он, то и дело останавливаясь, спрашивал дорогу, показывая всем обрывок смятой бумаги.

У Сары болели ноги и урчал желудок. Роб остановился и взглянул на дом, стоявший в окружении других, таких же больших и красивых домов.

— Посмотри, какое богатое место! — Он смотрел на дом с нескрываемым трепетом и благоговением.

Цветов не было. Только камень. Холодно. Темно. Сара была совсем обессилена. Она уселась на нижнюю ступеньку, замерзшая и потерянная. Ей хотелось только одного — вернуться назад в маленькую лачугу, к причалу и запаху моря.

— Давай! Всего несколько ступенек, и ты дома, — сказал Роб и поднял ее. Она увидела громадную медную голову льва, висящую на двери, и испугалась. Роб взялся за кольцо, вставленное в оскаленную львиную пасть, и постучал им по двери. — Красиво, — добавил он.

Дверь открылась. На пороге стоял человек в черном костюме. Он окинул Роба насмешливым взглядом. Тот протянул ему бумагу, боясь, что перед ним закроют дверь. Мужчина внимательно прочитал записку, затем открыл дверь несколько шире, достаточно для того, чтобы они могли войти внутрь.

— Проходите, — проговорил он сухо.

Внутри было тепло и приятно пахло. Сара увидела большую комнату, сияющий деревянный пол, покрытый огромным ковром с цветами. С потолка свешивалась хрустальная люстра. Сара никогда не видела ничего подобного.

«Небеса, наверное, похожи на это», — подумала она в изумлении.

Молодая женщина с рыжими волосами, темными глазами и ярко накрашенными красными губами вошла и поздоровалась. На ней было красивое черное платье, расшитое бисером, который поблескивал на ее плечах и полной груди. Она взглянула на Сару и слегка нахмурилась. Подняла на секунду глаза на Роба, затем снова посмотрела на Сару, уже мягче. Незнакомка наклонилась и протянула ей руку:

— Меня зовут Салли. А тебя, дорогая?

Сара взглянула на нее и спряталась за спиной Роба.

— Она стесняется, — произнес Роб извиняющимся тоном. — Не обращайтесь внимания.

Салли выпрямилась и холодно уставилась на Роба:

— Ты хоть понимаешь, что ты делаешь?

— Ну да, конечно. У вас здесь чудное местечко, мадам. Совсем не похоже на ту лачугу, где мы живем.

— Подниметесь на второй этаж, повернете направо, — заговорила Салли тусклым голосом. — Первая дверь по коридору с левой стороны. Ждите там. — Роб двинулся к двери, но она остановила его. — Не делай глупостей, послушай моего совета. Уходи прямо сейчас. Забери ее домой.

— Почему я должен так делать?

— Ты больше никогда ее не увидишь.

Он пожал плечами:

— Она все равно не моя. А он-то здесь? Я имею в виду «большую шишку».

— Он скоро появится. А тебе лучше помалкивать, если в голове осталось хоть немного ума.

Роб направился к лестнице, Саре захотелось убежать, но он крепко держал ее за руку. Она оглянулась и увидела, что женщина в черном платье смотрит ей вслед. На ее лице было написано страдание.

В комнате наверху все было очень большим: дубовый комод, камин из красного кирпича, резной стол, медная кровать. В углу стоял белый мраморный умывальник, рядом возвышалась медная вешалка для полотенец, начищенная до блеска. Со всех ламп свешивались сверкающие хрустальные подвески. Шторы на окнах были кроваво-красными. Они были плотно закрыты, так что с улицы невозможно было заглянуть внутрь. Или выглянуть на улицу.

— Посиди здесь и отдохни, — сказал Роб, похлопывая Сару по спине и подталкивая ее к креслу с высокой спинкой, очень похожему на то, в котором обычно сидела мама. Сердце Сары внезапно громко забилося. А может, это то же самое кресло?

Что, если это папа пожалел ее? Что, если он искал их с мамой все это время и знает, что произошло с ними? Что, если он отказался от своих обидных слов и теперь хочет, чтобы они жили вместе? Ее сердце билось все быстрее, а надежды и мечты, затмевая отчаяние и страх, переполняли сознание.

Роб подошел к столу, стоявшему у окна:

— Посмотри на это. — Он указал пальцем на ряд стеклянных бутылок. Выдернув пробку из одной из них, он втянул носом аромат. — О, небеса... — С глубоким вздохом он поднес бутылку к губам и приник к горлышку. Выпив половину содержимого, отер рот рукавом. — Еще никогда не подбирался так близко к небесам. — Сняв пробку с другой бутылки, он подлил немного в первую. Убедившись, что количество жидкости сравнялось, поставил обе бутылки на стол и закрыл пробками.

Потом он открыл шкаф, пошарил там немного, быстро что-то засунул в карманы. Подойдя к столу, обнаружил что-то интересное и тоже отправил в карман.

Сара услышала его едва различимый смех. Ее веки отяжелели от усталости, и она сидела, опустив голову на спинку кресла. Когда же наконец придет папа? Роб снова подошел к столу, уставленному бутылками, и отпил из других двух.

— Пробуешь мой бренди? — спросил кто-то густым, низким голосом.

Сара подскочила от неожиданности. Она взглянула на вошедшего человека, и ее сердце остановилось. Это не был ее отец. Это оказался высокий и смуглый господин. Его глаза сверкали холодным

блеском, и Сара подумала, что впервые видит человека с таким недобрым и одновременно красивым лицом. Он был одет во все черное и в шляпе.

Воткнув пробку в хрустальный графин, Роб поставил его обратно на поднос.

— Давно не пробовал ничего такого чудесного, — произнес он. Сара заметила, как сильно он побледнел, когда господин взглянул на него своими ледяными глазами. Роб кашлянул; он стоял, робко переминаясь с ноги на ногу. Было очевидно, что он сильно нервничает.

Господин снял шляпу и положил на стол. Сняв перчатки, бросил их следом.

Сара была так зачарована этим мужчиной, что только теперь заметила за его спиной еще одного человека. Она удивленно заморгала. Это был тот самый незнакомец, который приходил к ним в лачугу. Она вжалась в кресло, стараясь спрятаться. Второй мужчина смотрел на Роба; глядя в его глаза, Сара вспомнила крыс, которых видела позади лачуги. Она посмотрела на первого джентльмена и увидела, что тот смотрит на нее, слегка улыбаясь. Но почему-то от этого взгляда ей не стало легче. Наоборот, ее забила дрожь. Почему он смотрит на нее так, словно он очень голоден, а она может утолить этот голод?

— Как ее зовут? — спросил незнакомец, не сводя глаз с Сары.

Роб слегка приоткрыл рот, он выглядел ошарашенным.

— Я не знаю. — Роб издал неловкий, булькающий смешок.

Он был заметно пьян.

— Как ее называла мать? — сухо продолжал мужчина.

— Детка... но вы можете называть ее любым именем, как вам будет угодно.

Господин коротко невесело усмехнулся и окинул Роба презрительным взглядом. Он еще раз внимательно посмотрел на Сару. Она была напугана — так сильно, что не могла пошевелиться, когда он подошел к ней. Остановившись рядом с ее креслом, он снова улыбнулся, глаза его странно блестели. Достав из кармана пачку купюр, он снял золотую скрепку и, отсчитав несколько, передал деньги Робу, даже не взглянув на него.

Роб жадно схватил банкноты, пересчитал и только потом убрал в карман.

— Спасибо, сэр. О Боже, когда старик Рэдли сказал мне, что вы хотите удочерить девочку, я не мог поверить, что все так удачно складывается для этой малышки. Она не слишком счастлива, говорю вам. — Он не мог остановиться, все продолжал тараторить, дважды повторил имя господина. Он был слишком пьян и слишком глуп, чтобы заметить, как изменилось его лицо.

Но Сара заметила.

Он был в бешенстве, но в его взгляде было что-то еще. Он так посмотрел... Сару снова забила дрожь. Она не могла описать выражение его глаз, но точно знала, что оно не предвещает ничего хорошего. Она взглянула на Роба, изнутри ее охватил панический страх. Роб шатался и делал попытки обнять стоящего перед ним господина, не замечая молчаливого сигнала, который этот хорошо одетый джентльмен сделал другому, ждущему позади Роба. Саре захотелось закричать, но крик застрял в горле. Она не могла ни крикнуть, ни произнести хоть слово. Она будто онемела от ужаса. Она смотрела на Роба, который продолжал что-то говорить. Он не остановился до тех пор, пока его горло не перетянул черный шнур. Выпучив глаза, Роб кашлял и руками пытался ослабить веревку у себя на шее, но в результате только размазывал кровь грязными пальцами.

Сара выскочила из кресла и побежала к двери. Она изо всех сил крутила ручку и толкала дверь, пытаясь выбраться, но дверь была заперта. Она услышала, как хрипит Роб и как его ноги отчаянно стучат по полу. Она стала колотить в дверь и кричать что есть силы.

Чья-то жесткая, тяжелая рука закрыла ей рот и оттащила назад. Сара пиналась ногами, кусалась и боролась — все напрасно. Джентльмен очень крепко держал ее: одной рукой он схватил ее вывернутые назад руки, а второй продолжал зажимать рот.

Роб затих.

— Убери его отсюда, — произнес господин, который держал Сару. В этот момент она повернула голову и мельком взглянула на Роба, лежавшего на полу. Черный шнур по-прежнему обвивал его шею, жуткая гримаса исказила лицо. Второй мужчина снял шнур с шеи Роба и спрятал в карман. Потом поднял Роба и взвалил себе на плечо:

— Все будут думать, что он просто пьянчуга...

— Сбрось его в реку, но сначала проверь карманы и возьми все, что он успел у меня стащить, — услышала она все тот же ледяной голос.

— Да, сэр.

Сара услышала, как открылась и быстро захлопнулась дверь.

Как только руки державшего ее господина разжались, она бросилась в самый дальний угол комнаты и попыталась там спрятаться. Джентльмен долго стоял посреди комнаты, глядя на нее. Потом подошел к умывальнику и набрал воды в фарфоровый кувшин. Взяв белую салфетку, он подошел к Саре. Она попыталась забиться в угол. Мужчина наклонился и приподнял ее лицо за подбородок.

— Знаешь, ты слишком хороша, чтобы пользоваться косметикой, — сказал он и начал умывать ее лицо.

Она вздрагивала от его прикосновений. Повернувшись, посмотрела на то место, где совсем недавно лежал Роб. Мужчина взял ее за подбородок и повернул к себе:

— Не думаю, что этот неотесанный алкоголик был твоим отцом. Ты совсем не похожа на него. В твоих глазах светится ум. — Закончив смывать краску с ее губ и щек, он вытер ее лицо и отбросил полотенце. — Посмотри на меня, малышка.

Сара взглянула на него. Ее сердце отчаянно трепетало, все тело тряслось от страха.

Руками он сжал ее лицо так, чтобы она не смогла отвернуться.

— До тех пор пока ты будешь делать все, что я говорю, мы с тобой будем жить дружно. — С легкой улыбкой он потрепал ее по щеке. В его глазах опять вспыхнул тот же странный огонек. — Как тебя зовут?

Сара не могла произнести ни слова.

Он погладил ее по волосам, прикоснулся к шее, тронул ее руки.

— Это не имеет значения. Я буду звать тебя Ангелочек. — Выпрямившись, он взял ее за руку. — Пойдем со мной, Ангелочек. Мне многому предстоит тебя научить. — Он поднял ее и усадил на большую кровать. — Когда опять сможешь говорить, зови меня Хозяин. — Неторопливо сняв пиджак, он произнес: — А ты сможешь. Очень скоро. — Развязывая галстук, он опять улыбнулся и начал расстегивать рубашку.

К утру Сара знала все о тех «истинах Господних», которыми с ней когда-то делилась Хлоя.

Byzov

*Но если это только сила,
Пусть даже созданная музой, —
Она подобна ангелу, упавшему во грех:
Деревья, вырванные с корнем,
Тьма, черви, саваны, гробницы, —
Источник наслажденья для нее;
Колючками и жизни острыми шипами
Питается она;
Она не знает радости счастливого конца,
Что дивный рыцарь заберет твои печали
И снимет бремя с плеч.*

Джон Китс

Калифорния, 1850 г.

Ангелочек слегка приподняла край полотняной занавески — совсем немного, достаточно для того, чтобы увидеть грязную улицу. Она поежилась, когда холодный полуденный воздух ворвался в комнату, неся с собой разрушение иллюзий.

Парадиз находился в Калифорнии недалеко от золотonosных приисков. Это было худшее место из всего, что она когда-либо видела и могла себе представить, — город лачуг, построенных из парусов заброшенных кораблей, где каждый старался осуществить свою «золотую мечту». Это было не что иное, как лагерь, населенный изгнанниками и аристократами, искателями приключений и бывшими собственниками, некогда жившими в роскоши, а теперь нищими. Покрытые парусиной бары и игральные дома выстроились вдоль убогих улиц: здесь царили неприкрытая похоть и жадность, одиночество и невероятные иллюзии. Бурное ликование сочеталось в этом жалком местечке с отчаянием и отвратительным привкусом неудачи.

Презрительно улыбаясь, Ангелочек смотрела на мужчину, стоящего на углу и проповедующего спасение. Рядом стоял его брат,

который со шляпой в руке обирал и без того несчастных людей. Всюду, куда бы она ни взглянула, были обделенные судьбой бедолаги, изгнанные из дома, отвергнутые семьей, чьи надежды на лучшее будущее с каждым днем ослабевали.

И эти глупцы называли ее Венерой и искали утешения там, где уж точно ничего не найдут, — в ее постели.

Они приносили много денег, стремясь завоевать ее расположение, — четыре унции золота, которые отдавали в качестве аванса хозяйке «Дворца», — палаточного публичного дома, в котором она теперь жила. Каждый, кто заплатил эту сумму, получал Ангелочка на полчаса. Ее проценты от заработанного содержались под замком у Хозяйки и тщательно оберегались громадным женоненавистником по имени Брет Магован. Другие — все те печальные неудачники, у которых не хватало денег, чтобы на себе проверить ее способности, — стояли по колено в грязи на Мейн-стрит, так называемой Главной улице, ожидая возможности хоть одним глазком взглянуть на Ангелочка. Уже почти год она жила в этом городке, который был непригоден ни для чего другого, кроме этого занятия. Когда же все это кончится?

Как могли все ее отчаянные планы завести ее в это ужасное место, переполненное грязью и разбитыми надеждами?

— На сегодня все, — услышала она голос Хозяйки, которая отсылала прочь нескольких мужчин. — Я знаю, что вы ждали, но Ангелочек устала, а вы ведь хотели бы получить от нее по максимуму, не так ли? — Мужчины умоляли и угрожали, просили и торговались, но Хозяйка знала, когда Ангелочек достигала предела своих возможностей. — Ей нужен отдых. Приходите вечером. А пока идите и выпейте.

Убедившись, что клиенты наконец убралась, Ангелочек опустила край занавески и прилегла на смятую кровать. Она лежала и рассматривала матерчатый потолок. За завтраком Хозяйка сообщила, что уже почти завершено строительство нового помещения, и завтра девочки будут переезжать. Ангелочек приготовилась жить в новых четырех стенах. Тогда, по крайней мере, холодными ночами ветер не будет задувать в каждую щель. Она не задумывалась над тем, как много значат для нее четыре стены, пока не собрала свои вещи и не отправилась в Калифорнию. Все, о чем она тогда думала, это возможность сбежать. Все, что она видела, это шанс обрести свободу. Мираж растаял вскоре после того, как она поднялась по трапу

и поняла, что кроме нее на палубе есть еще две молодые девушки, а остальные — сто двадцать молодых энергичных мужчин, которые только и думали, что о грядущих приключениях. Две проститутки с жесткими холодными глазами немедленно приступили к работе, а Ангелочек попыталась уединиться в своей каюте. В течение следующих двух недель она поняла, что у нее остается только две возможности: вновь заняться проституцией или быть изнасилованной. Но какая разница? И потом, что еще она умеет? К тому же она может наполнять свои карманы золотом так же, как и другие. Но тогда, может быть, если у нее будет достаточно денег, она сможет выкупить свою свободу?

Она пережила суровое морское путешествие, морскую болезнь, прошла через унижения и грубость ради того, чтобы заработать достаточно денег, прежде чем они пристанут к берегам Калифорнии, и начать новую жизнь. Когда же наконец показались берега Калифорнии, на нее обрушился новый удар.

Две проститутки, которые плыли с ней на корабле, ворвались к ней в каюту и стали ее избивать. Когда она обессилела и больше не могла бороться, они, забрав все ее деньги и вещи, поспешили сойти на берег. У нее осталось только нижнее белье. Что было еще хуже — на борту уже не оказалось ни одного матроса, чтобы хоть как-то помочь ей.

Избитая и оцепеневшая от боли и позора, она два дня просидела съезжившись на носу корабля, пока не пришли воры. Взяв все, что они смогли взять от нее и оставшегося на брошенном корабле барахла, они помогли ей перебраться на причал. Шел сильный дождь, и пока они спорили и делили добычу, она тихо ушла прочь.

Несколько дней она бродила по улицам, пряча лицо в грязном одеяле, которое дал ей один из воров. Ей хотелось есть; она замерзла; она отчаялась. Свобода была несбыточной мечтой.

Несколько дней она работала на площади, до тех пор пока Хозяйка, женщина с сомнительным прошлым танцовщицы, которая теперь использовала свой проницательный ум для бизнеса, не подобрала ее и не отправила в край, где добывают золото.

— На меня работают еще четыре девочки — одна француженка, из Парижа, узкоглазая красотка Ах Той, и две девочки из Ирландии, которые выглядят так, будто их не кормили целое столетие. Немного

пищи поможет им встать на ноги. Ну и теперь ты. Как только я тебя увидела, я подумала, что эта девочка может стать очень и очень богатой при правильном руководстве. Такая красавица, как ты, сможет в этих местах быстро подняться и схватить удачу за хвост. Эти молодые трудяги вытрясут все свои заначки, будут драться и жребий бросать — только бы первыми сложить к твоим ногам золото.

Они заключили договор. Ангелочек должна была отдавать восемьдесят процентов своего заработка, а взамен получала гарантии безопасности.

— Я также позабочусь о том, чтобы у тебя была лучшая одежда, пища и комната.

Ангелочек про себя усмехнулась. Она смогла сбежать от Хозяина и попала в руки Хозяйки. Какая удача!

Вопреки всей кажущейся доброжелательности, Хозяйка была жадной и деспотичной. Ангелочек знала, что она берет взятки за «правильно выпавший» жребий, и что до сих пор даже крупинка из всей полученной ею золотой пыли не осела в карманах девочек. Даже небольшие подарки за хорошо оказанные услуги подлежали дележу. Май Лин, служанка Ах Той, однажды попыталась спрятать свое золото. Тогда Магован, жестоко улыбаясь и потирая свои громадные руки, пошел «поговорить с ней».

Ангелочек ненавидела свою жизнь. Она ненавидела Хозяйку. Ненавидела Магована. Ненавидела собственную беспомощность. Больше всего она ненавидела мужчин за их постоянное стремление получать удовольствие. Она отдавала им свое тело и ничего больше. А может, у нее просто больше ничего не осталось? Она не знала. И казалось, что мужчин это совершенно не волнует. Все, что они видели, была ее внешняя красота, безупречная маска, прикрывающая ледяное сердце. И они были очарованы. Они смотрели в ее ангельские глаза и терялись в них.

Но они не могли ее обмануть своими нескончаемыми признаниями в любви. Они хотели ее точно так же, как то золото, которое искали. Похоть. Они боролись, чтобы получить возможность быть с ней. Они дрались, рисковали, пытались получить ее — все, что у них было, они не задумываясь и ничуть не сожалея могли потратить на нее. Они платили, чтобы впасть в рабство. Она давала им то, что они считали небесами, и отправляла их в ад.

Ну и что? Терять ей было нечего. Ей было на все наплевать. Ее существо переполняла ненависть, но куда с большей силой ее охватила усталость, которая высасывала и иссушала душу. В восемнадцать лет она уже устала от жизни и смирилась с тем, что больше ничего не сможет изменить. Она задумывалась о том, для чего она вообще рождена. Наверное, для этого. Принимай, как есть. Это Божьи истины. Единственным способом вырваться из замкнутого круга было убить себя. Но всякий раз, когда она думала об этом и когда была возможность это сделать, у нее не хватало смелости.

Единственным ее другом была старая шлюха по прозвищу Лаки*, которая становилась все толще из-за своего пристрастия к бренди. Но даже Лаки не знала, как Ангелочек появилась здесь и как она стала тем, кем была сегодня. Другие проститутки думали, что она слишком скрытная. Они много говорили о ней, но никогда не задавали вопросов. С самого начала Ангелочек дала всем понять, что ее прошлое было неприкосновенной территорией, на которую никто не имеет права ступать. Кроме Лаки, молчаливой пьянчужки Лаки, к которой Ангелочек испытывала что-то вроде нежности.

Лаки часто говорила:

— Тебе нужно как-то планировать свою жизнь, Ангелочек. Нужно на что-то надеяться в этом мире.

— Надеяться? Зачем?

— Иначе ты ничего не сможешь изменить.

— У меня все отлично получается.

— Как?

— Я не оборачиваюсь назад и не заглядываю далеко вперед.

— А как насчет сегодня? Тебе нужно думать хотя бы о сегодняшнем дне, Ангелочек.

Ангелочек холодно улыбалась, расчесывая свои длинные золотистые волосы:

— Сегодня не существует.

* От англ. lucky, что переводится как «счастливчик». — *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат редактору перевода.*

2

*Она красива, словно ночь,
Как ночь, безоблачна и звездна,
И тьма и свет сошлись в одно
В ее глазах, в ее лице...*

Джордж Гордон Байрон

Михаил Осия разгружал ящики, заполненные овощами, и составлял их у задней двери магазина. Вдруг прекрасная молодая женщина, которая шла мимо по улице, привлекла все его внимание и заставила остановиться. Она была одета во все черное, подобно вдове; рядом с ней шел огромный, устрашающего вида мужчина с пистолетом, висящим в кобуре сбоку. Все мужчины, оказавшиеся в этот момент на Мейн-стрит, прекращали свои дела, снимали шляпы и смотрели ей вслед. Она же, проходя, ни с кем не здоровалась, никому не говорила ни слова. Шла, не глядя по сторонам. Она двигалась грациозно, прямо держа спину и высоко подняв голову.

Михаил не мог отвести от нее взгляд. Она подходила все ближе, а его сердце билось все быстрее. Он жаждал, чтобы она взглянула на него, но она не слышала его мольбы. Задержав дыхание и даже не сознавая этого, он сделал глубокий вдох только тогда, когда она наконец прошла мимо.

«ЭТО ОНА, ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ».

Михаил почувствовал скачок адреналина, смешанного с радостью. *«Господь! Господь, Ты ответил!»*

— Не правда ли, она чудо? — проговорил Иосиф Хотшильд, подходя к нему. Владелец магазина, мужчина крепкого телосложения, стоял рядом, с мешком картошки на плече, и ухмылялся. — Это Ангелочек. Самая красивая девочка к западу от перевала и, готов спорить, к востоку тоже.

Умолкнув, он поднялся по ступенькам и исчез в магазине. Михаил взвалил на плечо ящик с яблоками.

— Что ты о ней знаешь?

— Думаю, не больше, чем все остальные. Она прогуливается подолгу. Это ее привычка. Она гуляет каждые понедельник, среду и пятницу после обеда примерно в это время. — Он кивком указал на мужчин, толпившихся на улице. — Все они приходят для того только, чтобы взглянуть на нее.

— А тот, который ее сопровождает, кто он? — Мрачная мысль внезапно пришла в голову Михаилу. — Ее муж?

— Муж? — усмехнулся Иосиф. — Скорее, телохранитель. Его зовут Магован. Он следит за тем, чтобы никто ее не беспокоил. Никто не смеет даже приблизиться к ней, пока не заплатит.

Михаил слегка нахмурился и пошел в магазин, откуда из подсобных помещений продолжал разглядывать незнакомку. Она затронула какую-то очень сокровенную часть его существа. Все в ней излучало степенное, печальное достоинство. Когда вошел хозяин магазина, неся следующий ящик, он задал вопрос, который жег его душу:

— Иосиф, как я могу встретиться с ней?

Хотшильд печально улыбнулся:

— Прежде всего нужно занять место в длинной очереди. Хозяйка проводит лотерею — каждый день выбирает, кто сегодня получит право увидеть Ангелочка.

— Какая хозяйка?

— Хозяйка, — он кивнул головой в другую сторону улицы. — Дама, которой принадлежит «Дворец», самый крупный бордель в этом городе.

Михаила словно ударили ниже пояса. Он уставился на Хотшильда, но тот не обращал на него внимания, так как был занят пересыпанием моркови из мешка в ведро. Михаил взвалил на плечо еще один ящик яблок.

«Господь? Я, наверное, что-то не так понял? Похоже на то. Она не может быть той самой».

— Несколько раз я платил унцию или две золотом только для того, чтобы мое имя внесли в список для жребия, — заговорил Иосиф, подойдя к нему. — Потом я понял, что надо платить больше и только тогда у тебя есть шанс попасть в нужный список.

Михаил с силой грохнул ящиком об пол:

— Она что, из «ночных бабочек»? Эта девушка? — Он не хотел верить.

— Она не просто одна из многих запятнанных, что были здесь раньше. Ангелочек — это что-то совершенно бесподобное, так люди говорят. Как-то особо подготовленная. Но, к сожалению, я так и не смог проверить это лично. Когда мне это надо, я встречаюсь с Присси. Она чистая, исполняет свою работу просто и аккуратно и стоит не слишком дорого. Золото нам достается с таким трудом...

Михаилу едва хватало воздуха. Он вышел на улицу. Не в силах сдержаться, он смотрел и смотрел на девушку в черном. Она возвращалась, идя по другой стороне улицы, и снова прошла мимо него. На этот раз ему было еще труднее это перенести.

Хотшильд выгрузил ящик репы.

— Ты похож на быка, которого только что ударили дубиной по башке. — Он криво усмехнулся. — Или, может быть, ты слишком много времени провел на своей ферме?

— Давай заканчивать, — предложил Михаил громко и вошел внутрь, неся последний ящик. Ему нужно было постараться вернуть свои мысли к делам и перестать думать о ней.

— Когда мы закончим, у тебя будет достаточно золота, чтобы повстречаться с ней, — заметил Хотшильд. — Более чем достаточно. — Освободив последний ящик и убрав его в сторону, он поставил весы в угол. — Свежие овощи здесь стоят дорого. Эти молодые парни, что работают в ручьях, питаются хлебом, водой и соленым мясом. Потом они приходят в город со вздутыми кровотокающими деснами и цингой и ищут врача. Но все, что им на самом деле нужно, это овощная диета и немного ума. Давай-ка посмотрим, что мы имеем. Две бочки яблок, два ящика репы и моркови, шесть ящиков кабачков и двенадцать фунтов вяленого мяса.

Михаил назвал свою цену.

— Что? Да ты грабишь меня!

Михаил улыбнулся. Нет, он не был жадным. Просто он потратил основную часть золота, которое у него было, и он знал, что нужно людям. Помимо прочего, им нужна была пища, а ее-то он мог доставить.

— Ты зарабатываешь на этом вдвое.

Хотшильд открыл сейф, стоящий в углу, и вынул два мешочка с золотым песком. Кинув один Михаилу, он отсыпал немного из второго в свой кисет. Бросив остальное обратно в сейф, захлопнул его и проверил замок.

Пока Михаил высыпал золото в специальные отделения в ремне, Хотшильд наблюдал за ним. Его губы искривились в улыбке.

— У тебя теперь достаточно, чтобы хорошо провести время. Хочешь познакомиться с Ангелочком? Тебе нужно просто пойти во «Дворец» и поговорить лично с Хозяйкой. Используй часть того, что ты только что заработал. Она ответит тебя прямо к ней в комнату.

Ангелочек! Его поразило даже имя.

— Не сегодня.

Иосиф понял, что разговор закончен, и кивнул. Михаил Осия был тихим человеком, но отнюдь не мягкотелым. Что-то в его взгляде заставляло относиться к нему с уважением.

Не только из-за его роста и силы, хотя и то и другое впечатляло. Но из-за чистоты и уверенности в его глазах. Он знал себе цену, даже если весь мир не знал ее. Он нравился Иосифу, и тот безошибочно понял, что Ангелочек потрясла его воображение. Но если Михаил не желает обсуждать это сегодня, он с уважением отнесется к его решению.

— Как планируешь использовать этот золотой песок?

— Куплю пару голов скота.

— Хорошо, — одобрительно кивнул Хотшильд. — Откорми их побыстрее. Мясо стоит еще дороже, чем овощи.

Уезжая из города, Михаил проехал мимо борделя. Это было большое красивое здание, переполненное мужчинами, в основном молодыми. Все они были пьяны или собирались напиться. Несколько человек играли, сквернословие сливалось в общий хор, одно ругательство грубее другого.

«И она здесь живет, — подумал он. — В одной из комнат с кроватью и соответствующей обстановкой». Он подстегнул лошадей и продолжил путь, хмурый, словно туча.

Вернувшись домой в свою долину, он никак не мог избавиться от мыслей о ней. Он представлял, как она проходит мимо него по грязной улице, эта стройная девушка, вся в черном, с таким прекрасным бледным, каменным лицом. Как она появилась здесь?

— Ангелочек, — произнес он, пробуя на вкус, как звучит ее имя. Только имя. Но он знал, еще боясь себе в этом признаться, что его ожидание закончено. — Господь, — с усилием выговорил он, — Господь, это не совсем то, чего я ждал и о чем мечтал.

Но в эту минуту он уже знал, что ему предстоит жениться на ней.